

ИВАН КУДИШИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ
СИЛЬВЕРТОНА

12+

Маленькая страна посреди Великого океана

Иван Кудишин

Возвращение Сильвертона

«ЛитРес: Самиздат»

1996

Кудишин И. В.

Возвращение Сильвертона / И. В. Кудишин — «ЛитРес:
Самиздат», 1996 — (Маленькая страна посреди Великого океана)

Когда в серебряном прииске иссякает серебро, на его место может прийти что-то другое. Зло вторгается в мирный высокогорный поселок Дрентельн... Новелла посвящается Стивену Кингу.

С признательностью и любовью – Стивену Кингу.

Я никогда не любил ветер, дующий с горы Маунт Клинт, а в тот вечер он не просто завывал в трубе, а форменным образом выматывал душу. Живя здесь, в Лавразаях, на высоте трех миль над уровнем моря, как-то забываешь, что всего в полутора тысячах километров к югу – экватор, белоснежный раскаленный песок и обнаженные бронзовые красотки, нежащиеся под солнцем. Наш городок Дрентельн, в сезон отпусков кормившийся за счет туристов – горнолыжников, теперь, в декабре 1995 года, был неприютен и мрачен.

Окно у меня в комнате заиндевело до полной непрозрачности, лишь с края, который находился ближе к дымоходу, немного оттаяло. На душе было тоскливо, тянуло на грустные воспоминания. Я выглянул в окно. Стояла ночь, точнее – поздний вечер, на улице царила непроницаемая мгла, лишь мириады снежинок под острым углом проносились в тусклом свете уличного фонаря. В доме напротив не светило ни единого окна. Я удивился – в этом доме жил автомеханик Стинни ЛаБель с женой и четырьмя сыновьями, у них в квартире по вечерам всегда горел яркий свет, видимый из моих окон в любую непогоду.

Зовут меня Джон Смитсберри, я работаю муниципальным горным спасателем. В горнолыжный сезон, с апреля по октябрь, у меня по горло и выше работы, зато все остальное время приходится маяться бездельем, лишь иногда, где-то раз-два в месяц поступают срочные вызовы. Но в тот вечер их уже не предвиделось, читать не хотелось, телевизор не работал – опять антенна поломалась. Сидеть в квартире одному было настолько неуютно и уныло, что я решил прибегнуть к старому испытанному средству, а именно – пойти в гости. Я надел парку, медвежью шапку, а затем, поразмыслив, вынул из ящика письменного стола длинноствольный револьвер "Татав – Магнум Крокодил" и сунул его в специальный карман – кобуру. На всякий случай.

... Снежинки кололи мне лицо, мелкие и злые, они впивались под порывами ветра в кожу, словно осы. Наша улица выглядела совсем безжизненно, у крылечек и подъездов намело высокие сугробы. Все окна наглухо закрывали темные ставни, из-за которых не пробивалось ни единого лучика света. Из каминных труб не курился дым. Это вселило в меня тревогу – ведь если все и позапирались без освещения по своим углам, то в такую холодрыгу должны же хоть камин топить! Ладно, допустим, что все мои соседи обзавелись чем-то вроде маленьких термоядерных реакторов для обогрева своих берлог.

Пройдя полквартиры по занесенной снегом узкой улочке, я свернул на главную магистраль нашего городка, Снежное шоссе. Эта великолепная стратегическая дорога шла через все Лавразай, соединяя Новый Лабрадор с районом столицы. Обычно по шоссе круглые сутки носились машины, но сейчас движение полностью отсутствовало. Наверное, где-то опять занос. Еще меня удивило, что дорога, обычно ярко и празднично освещенная неоновыми лампами, сейчас лишь тускло озарена двумя – тремя фонарями.

Через несколько минут я уже стучался в двери небольшого салуна, который на кооперативных началах держал мой старинный приятель Джош Доувер. Дверь оказалась против обыкновения заперта, но внутри горел неяркий уютный свет.

Дверь открыл сам Джош. Выглядел он неважно.

– Привет, Джонни. Хорошо хоть ты не забыл меня. Какая нынче странная ночь, не правда ли?

– Добрый вечер. Слушай, что случилось?

– Представления не имею. Ты в курсе, местная радиостанция молчит еще с утра, так что узнать что-либо невозможно.

– А люди что говорят?

– Ничего.

– То есть?

– С утра ни единого клиента, да еще с электричеством перебои – видишь, все лампы светят вполнакала. Я уже и не надеялся сегодня хоть что-нибудь заработать, видишь, даже дверь запер.

– Ну и черт с ним со всем, слушай, Джошкин, сделай-ка мне, пожалуй, двойной дайкири, как обычно.

– О, не прошло и суток, как явился настоящий клиент!

Мы рассмеялись, я уселся у стойки бара и принялся за коктейль, Джош сам составил мне компанию, потягивая виски с колодой. Я почувствовал себя намного лучше. Играла тихая музыка, на дубовых панелях стеной отделки плясали разноцветные капельки света, отбрасываемые цветомузыкальной приставкой.

Неожиданно в дверь решительно постучали. Джош нехотя встал и пошел открывать. Я обернулся.

На пороге стоял высокий мужчина средних лет в демисезонном пальто и дорогой фетровой шляпе, поля которой потеряли форму от налипшего на них снега. Неудивительно, что в такой несерьезной одежке он продрог до костей: даже смотреть на посетителя было зябко. Глубоко посаженные темные глаза на длинном лице, тем не менее, глядели жестко и решительно: чувствовалось, дядечка не привык ни о чем просить.

– Прошу п-прощения, господа.– сказал он простужено, борясь с зубовным клецаньем – Что это за место?

– Это Дрентельн. – ответил Джош.

– Я вынужден просить у в-вас помощи. А то добрых самаритян в этих к-краях не дозвешься. Похоже, все п-повымерли. – голос пришельца то прерывался стуком зубов друг об друга, то переходил в неудержимую пулеметную трескотню.

– Мы, честно говоря, сами этому удивлены. Что случилось, сэр?

– Видите ли, мы с ж-женой и дочкой возвращаемся с Н-нового Лаб-брадора из отпуска. Проехали ваш город, километров на п-пять отъехали – видим, р-развилка. А указателя никакого нет. Я свернул н-направо и мы попали в жуткий занос, з-застряли. С-скажите, у вас вездеход есть? Расходы я беру на себя.

Когда этот мокрый и промерзший до костей посланец ночи упомянул о развилке, мое беспокойство не только вернулось, но и переросло в настоящий страх. Дело все в том, что правый поворот на той развилке был запрещен еще лет пятьдесят назад. Дорога когда-то вела в заброшенный поселок старателей Сильвертон, место гнилое и гиблое. Туристов предупреждали об этом, но все равно, раз-два в год кто-то из них пропадал без вести. Официально все списывалось на лавины и подледные пустоты, на разветвленные катакомбы серебряных копей, но я-то знал, что наше место никогда не было лавиноопасным, а входы в копи закрыты щитами. Я был более склонен верить старым легендам...

Тем временем Джош потребовал, чтобы посетитель снял пальто, шляпу и ботинки, и усадил его у электрокамина, несмотря на вялые протесты. Вскоре наш гость уже пил горячий грог, закусывая его гамбургером.

– Ну, так как же насчет вездехода, господа? – вновь спросил он, более-менее оттаяв.

– Конечно, у нас есть вездеход. Я сейчас схожу и приведу его. Но вот еще какой момент. – сказал я – Сэр, вы попали в очень неприятные места. Если я или мистер Доувер вдруг увидим что-то необычное, мы все тут же прыгаем обратно в вездеход и уезжаем. Если кто-то из нас что-то прикажет, вы обязаны подчиниться беспрекословно. И последнее: мы вытащим ваш автомобиль только в том случае, если ваши родные не выходили из него.

– Эй, а в чем, собственно, дело?! – в голосе гостя прорезались повелительно-истеричные нотки – Во-первых, я не вижу смысла вам беспрекословно подчиняться, я дошел до вашего треклятого Дрентеля без посторонней помощи, в случае чего смогу и убраться отсюда самостоятельно. Я всего лишь прошу у вас выдернуть мою машину из треклятого завала, куда она

попала лишь потому, что ваша треклятая снегоочистительная служба, на содержание которой я исправно плачу налоги, не удосужилась его разгрести! Это что, очень сложно?! А во-вторых, что необычного можно увидеть в этих треклятых Лавразаях ночью? Снежного человека? Пришельцев в тарелочке?

– Вурдалаков не хотите? – спросил я серьезно.

– Да что вы мне мозги загружаете? Выдумали бы кое-что поостроумнее. Дракула живет далековато отсюда.

– Мистер, давайте без истерик. Мы не отказались вам помочь. Мы только вас предупредили.

– Ладно... Я принимаю Ваши условия. – напыщенно произнес наш гость, успокоившись. В принципе, его можно было понять. Лавразай – место уединенное, нецивилизованное. Тут особо не покомандуешь.

...Небольшой шестиколесный вездеход "Сноумобил", которым мы с Джошем владели на паях, деловито урча дизелем, катил вперед по Снежному шоссе. Джош и незнакомец, назвавшийся Питером Дорси, помещались впереди, я сидел на заднем диванчике, нянча в руках холодное фиберглассовое цевье семизарядного дробовика "Моссберг". Машину часто трясло и слегка заносило на снежных заметях. Вскоре относительно хорошая дорога вообще закончилась, нас стало нещадно кидать по салону. Пару раз вездеходик заносило, и тогда мотор начинал выть. Я понял, что Джош свернул с шоссе, чтобы срезать угол и поскорее достичь развилки. Из серой мглы в свете фар возникал то покосившийся под многолетним напором господствующих ветров телеграфный столб с обрывками проводов, то – причудливой формы обломок скалы, занесенный снегом. Как мой друг ориентировался – ума не приложу, но вскоре мы опять выехали на шоссе.

Перед нами была та самая развилка. Знака над правым ответвлением не было, видимо, тросик, державший его, перетерся или порвался под сильным ветром. Джош прибавил скорости и свернул направо.

Двигатель опять стал завывать, колеса пробуксовывали в глубоком снегу.

– Где-то здесь... – пробормотал Питер.

И тут нам повезло – снеговая пелена внезапно поредела, а затем неожиданно исчезла совсем, буран кончился. Облака разошлись и рядом с острым пиком горы Клинт засияла полная бледно-серебряная луница, большие кратеры на ее лике мог бы разглядеть даже близорукый. Впечатление было таково, что вездеход сейчас врежется в ее алюминиево-серебрящийся круг. Видимо, у Джоша возникло такое же ощущение, что и у меня, он внезапно и чрезмерно резко затормозил. Сбросив охватившее меня оцепенение, я огляделся. Вокруг нас на много миль простиралось холмистое плато. Справа от нас я увидел полузанесенный снегом, почти превратившийся в невзрачный холмик, лимонного цвета "Мерседес" 600-й модели. Со стороны багажника из снега поднималась струйка дыма – двигатель работал.

– О, а вот и моя машина! Сейчас подцепимся и в момент вытащим! – раздался в повисшей тишине бодрый тенорок мистера Дорси.

– Погодите, сэр. Мне кажется, задняя дверь приоткрыта. – охладил я его пыл – Сейчас узнаю, в чем дело.

Я выскочил на снег и подбежал к машине бедняги Питера.

Внутри было пусто...

Работала печка, приемник играл похоронный марш Шопена. И тут я почувствовал такой дикий, первобытный страх, что, не чуя под собой ног, бросился назад, к спасительному "Сноумобилу" и отдышался уже внутри, полулежа на мягком сидении. Почувствовав, что могу говорить, я прохрипел:

– Никого внутри... Уезжаем...

Джош без лишних слов нажал на акселератор, машина пробуксовала всеми шестью колесами, и стала набирать скорость. Но тут Питер рванул ручку двери, и ни слова не говоря, выскочил наружу. Я попытался его удержать, но у меня в руке остался лишь кусок рукава его пальто. Ничего себе прыть!

Джош нехотя затормозил. Я посмотрел назад, не убился ли Питер. Но нет, наш ночной гость был, похоже, в порядке. Разве что извалялся в снегу с ног до головы, да свою шегольскую шляпу – борсалино потерял. Дорси стоял в лунном свете и озирался. Потом как-то деревянно нагнулся, поднял свой головной убор и нахлобучил его.

Я открыл дверцу с ругательством, готовым слететь с языка, но слова застряли у меня в горле... Сперва я услышал шелест снега – кто-то легко, почти не касаясь наста, бежал. Как волк в зимнем лесу... Я оглядывался, вытянув шею, пока, наконец, не заметил в паре десятков метров от нас, но не со стороны машины Питера, силуэт бегущей женщины. Она была в легком пальто и меховом боа вокруг шеи, простоволосая. Ее длинные светлые волосы трепал ледяной ветер. Лицо женщины я не смог разглядеть, луна светила ей в спину. До нас долетел ее крик:

– Питер! Ну, наконец-то, ты пришел! Мы с Лиззи пошли уже искать тебя. Иди сюда, если б ты знал, как я замерзла!

Я никак не мог понять, что же не так с этой женщиной – мы с Джошем видели ее вполне отчетливо, она уже была от нас в каких-нибудь восьми метрах. Наконец, меня осенило, и я заорал:

– Мистер Дорси, если Вам дорога жизнь, не подходите к ней, у нее нет тени!!!

Бедняга, сделавший было шаг навстречу женщине, отпрянул назад, пытаясь бежать, но его нога в легком дорогом ботинке (только по асфальту ходить) поехала по насту, женщина в полете настигла нашего ночного визитера и приникла к его шее. Из прокушенной сонной артерии брызнула кровь, Питер и его жена мешком осели на снег в двух метрах от нас... Тень Питера, четкая и синяя, быстро выцвела и пропала.

Мы с Джошем не могли вымолвить ни слова, руки и ноги у нас словно отнялись, как это бывает в дурном сне, когда лежишь на рельсах, не в силах пошевелиться, а на тебя несется локомотив. Мы не могли оторвать взглядов от двух тел, трепещущих на снегу, и от черных больших капель крови, еще секунды назад струившейся в жилах человеческого существа...

Вдруг женщина оторвалась от шеи своего супруга и подняла на нас тяжелый взор. Ее голос теперь был низкий и хриплый:

– Смотри, Питер, вот еще живые люди. Ты же голоден!

Она протянула ко мне руку и поднялась на четвереньки. Меня охватила паника, ноги сделались ватными. В ее глазах не было мысли, это были вообще не человеческие глаза... В темноте они тускло вспыхивали рубиновым. И тут сработал инстинкт, приобретенный мною в армии – руки сами сделали то, что требовалось. Передернув затвор дробомета, я направил дуло двенадцатого калибра в лицо женщины – нелюдя и плавно надавил спуск.

Дробовик оглушительно выстрелил, дернувшись в руках. Звук выстрела привел меня в чувство, но вместе с ним молнией пронеслась мысль:

"БОЖЕ Я УБИЛ Я УБИЛ ЕЕ Я УБИЛ ЧЕЛОВЕКА ГОСПОДИ!!!"

Я успел заметить, как тело женщины приподняло в воздух и отшвырнуло назад, как она, кувыряясь, проехала немного по насту. Теперь у нее не было лица... Питер, зарывчав, вскочил, с тем, чтобы броситься на меня, но мы с Джошем резво запрыгнули в салон "Сноумобила". Двигатель, тархтевший на нейтральной передаче, взревел, выбросив из-под колес веер снежно-ледяного крошева, машина сорвалась с места. Джош показал чудеса водительского мастерства, умудрившись не вписаться в занос и не задеть застрявший "Мерседес". Я вздохнул с облегчением – кажется, нам удалось вырваться из ловушки. Но не тут-то было! Взглянув в зеркало заднего вида, я обмер, наткнувшись на взгляд единственного рубинового глаза посреди кро-

вавых подтеков. Это была жена Питера Дорси. Она, верно, решила поиграть в безбилетного пассажира, вцепившись в запаску, висевшую на крышке багажника.

После пережитого ступора и следовавшего за ним адреналинового пика мною овладело олимпийское спокойствие. Я заговорил, стараясь не выдавать волнения:

– Джоши, спокойно, у нас на запаске висит жена Питера. Выезжай на шоссе и сворачивай в сторону от города, не хватало нам ее с собой привезти...

Меня прервал сильнейший удар, начисто выставивший заднее окошко. Нежить влезала внутрь, рыча и булькая. Ее когти распороли обивку салона. Я замахнулся, насколько позволяла теснота внутри "Сноумобила", и саданул рукояткой дробовика по лицу нежити. Это остановило ее, может быть, даже отбросило на пару сантиметров. Воодушевленный, я развернул дробовик в ее сторону и выпалил... Существо выпало на дорогу. Джош, хладнокровно наблюдавший за нашей схваткой в зеркало, сильно крутанул руль, машину занесло, повело юзом и развернуло. Джош направил вездеход на темную массу, лежащую посреди шоссе. Глухой удар по бамперу довершил начатое. Оглянувшись, я заметил, что женщина все еще пытается встать...

Городок встретил нас темнотой и гробовой тишиной. Я взглянул на часы – было начало второго.

Джош молча загнал вездеходик в подземный гараж, и мы опять поднялись в салун.

– Ну, Джошкин, что ты можешь сказать обо всем этом? – спросил я.

– Если рассказы не врут – а мы сейчас убедились, что они не врут – то наши дела из рук вон плохи. Завтра же утром делаем отсюда ноги.

– Стало быть, уже сегодня. Погоди... Но здесь же люди остаются.

– Знаешь, называй меня трусом, но мне все равно. Утром посмотрим, есть ли кто живой, мне лично, по опыту сегодняшнего дня, кажется, что нет. Поорем, постучим в дома, и вперед! Надеюсь, смогу открыть дельце где-нибудь на побережье.

– Пожалуй, ты прав. Я, наверное, переберусь на озеро Палурд или в Полакенские горы. Там недотеп не меньше, чем здесь, а то и больше. А насчет завтрашнего – надеюсь, что нежить днем не ходит. Прости меня, Господи, за малодушие! – перекрестился я.

Охоту к разговорам у нас отбило. Я заночевал у Джоша в салуне. Спалось мне плохо, раза три я просыпался в холодном поту от собственного вопля. Наконец нехотя рассвело. Я выглянул в окошко – на улице шел давешний, мелкий и злой, снежок. Шоссе сильно замело, ни одного следа от колес не было видно на снегу. Сердце мое сжалось в предчувствии беды. Быстро одевшись и проверив револьвер, я сбежал по лестнице вниз, в салун.

Там никого не было.

– ДЖОШ!!! – заорал я не своим голосом.

Крик эхом отозвался в пустом холодном доме. Я бросился в кладовку, в подсобку, в комнату Джоша – но его нигде не было. Я выглянул за порог: на приступке у входа алели замерзшие капли крови. Только тогда до меня дошло, что дверь была не заперта.

Проклиная все на свете, я бросился к кассе, открыл ее и вытащил наугад несколько крупных банкнот. Запихнув их в карман, на ходу застегивая парку, я вывалился на улицу. Кровавая стежка, переплетающаяся с двумя линиями довольно свежих следов, уходила по Снежному шоссе в сторону развилки. Женские ноги в узких туфлях с обломанными каблуками, и мужские – Джоша – в шлепанцах... Он всегда косолапил на левую ногу – неудачно сросшийся давнишний перелом. Создавалось впечатление, что они шли в обнимку, как парочка, сильно перебравшая на вечеринке. Невольно я представил себе Джоша в его замшевой синей пижаме, неуверенно ковыляющего в утренних сумерках по снегу, обнявшись с таинственной нежитью, присосавшейся к его сонной артерии.

Поразмыслив, я вернулся в салун и взял "Моссберг", зарядив его патронами с волчьей картечью, и прихватил с полки в кладовой пару коробок патронов. Бежать, ехать, уносить ноги отсюда! Я спустился в гараж, где меня постиг еще один сокрушительный удар. Ворота были

заперты, замок – без следов взлома, вот только "Сноумобила" в нем не было. С минуту я простоял в шоке; наверно, вид у меня был преидиотский. Затем, обретая вновь способность трезво мыслить, я огляделся. Кроме моих следов, на пандусе – выезде из гаража виднелись две почти уже занесенные колеи. Они увели машину еще ночью, когда мы уснули. И как я не услышал рокота дизеля? Решив переживать неприятности по мере их поступления, я развернулся, и медленно, увязая в глубоком снегу, двинулся в направлении городской автобусной станции, находившейся в трех кварталах от салуна. Милый, должно быть, вид: здоровенный бородастый мужик в горной парке и мохнатой шапке, с устрашающего вида пушкой наперевес, идет садиться на автобус, которого, скорее всего, и не будет вовсе. Хотя проверить все же следовало.

Что же все-таки случилось? На карнизах, наличниках, крышах домов лежали огромные шапки снега. Окна были слепы – большинство из них либо занавешено, либо наглухо закрыто ставнями. Ни одного следа не было видно вокруг. Снежинки слепили, кололи лицо и руки.

Почти дойдя до автобусной станции, я вдруг остановился, как вкопанный. Шоссе пересекали следы. Свежие следы маленьких босых ног. Я огляделся, но никого не увидел за пеленой снега. Тогда я развернулся и побежал по следу.

Спустя полминуты я добрался до коттеджей на другой стороне шоссе. Следы очень быстро заносило снегом. И тут сквозь пелену я увидел на фоне темной стены дома белый силуэт девичьей фигуры. Она была почти голая, ее тело прикрывала лишь драная ночная сорочка. Девушка стояла, прислонившись к стенке, тяжело дыша. На вид ей было лет восемнадцать – двадцать. Услышав хруст снега, она обернулась. Черты ее миленького лица искажал ужас, зрачки расширены во всю радужку. Кожа стала совсем белой, как мне показалось, даже с зеленоватым оттенком. Я узнал ее. Это была парикмахерша, звали ее Юлия Берди.

– Кто вы? – спросила она хриплым шепотом.

– Друг. Я – Джон Смитсберри, горный спасатель. Мисс Берди, что с вами? Пойдемте скорее в тепло... Вам нельзя так.

Я стал расстегивать парку, чтобы прикрыть ее от пронизывающего ветра. Но девушка шарахнулась от меня, как от огня.

– Мистер Смитсберри... Я знаю вас... Оставьте меня, мне лучше умереть.

– Не говорите ерунды!..

– Эта гадость меня укусила. Вы знаете, о чем я? Я меняюсь... Мне уже совсем не холодно. Не мешайте мне. Лучше уходите. Слышите?! Уходите отсюда!! Сейчас же!!! – ее крик перешел в звериное рычание. Она медленно присела, обнажив стройные ноги (мечта всех мужчин Дрентельна) и медленно зачерпнула пригоршню снега.

– Вы что, не слышали меня? Убирайтесь!!!

Она сделала слабый замах рукой и бросила снежок мне в лицо. Туго слепленный ком снега ударил в переносицу с неожиданной силой, залепил глаза. Протирая их левой рукой, не занятой дробовиком, я развернулся и побрел прочь. Мой мозг, похоже, опять отключился, лишь ленивая мысль, как бегущая строка на экране телевизора, медленно ворочалась в голове: "Если она так хочет, значит, так нужно..."

А пурга все усиливалась. Глаза закрывались сами собой, меня начала одолевать сонливость. Я надвинул шапку на самый лоб, чтобы меньше слепило снегом. Решение пришло, когда я очутился на перекрестке Снежного шоссе и Космос стрит. Мне необходимо попасть на аэродром. Видимо, наш городок обезлюдел – нежить даром времени не теряла. На автобус, или там попутку, надеяться не стоило – с утра по шоссе не проехало ни единого автомобиля. А если на летном поле есть хоть один самолет или вертолет, можно попытаться улететь. Пригодятся-таки знания, полученные в летной школе! Кто бы мог подумать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.